

Когда он — высокий, по-прежнему стройный, с гордо посаженной головой — появляется на сцене, кажется, что в этот момент оживает какая-то другая жизнь. Где люди не стеснялись говорить друг другу возвышенные слова, а рыцарское отношение к женщине было негласным законом. Владимир Михайлович Зельдин несет в себе этот мир, вопреки всему, что происходит вокруг. Сегодня он, увы, один из последних романтиков российской сцены.

На заре артистической юности он сыграл Фердинанда в «Коварстве и любви» Ф. Шиллера. Спектакль шел на сцене Театра транспорта. Но первый крупный успех пришел к нему после исполнения роли Альдемаро в «Учителе танцев» Лопе де Вега в Театре Советской Армии. Переводчица пьесы Т. Щепкина-Куперник после премьеры подарила Зельдину сборник пьес испанского драматурга с дарственной надписью и пожеланием, «чтобы Альдемаро превратился в Ромео». Но желаемое не всегда совпадает с действительным, и Ромео, к сожалению, прошел мимо. Зато Зельдин переиграл множество неотразимых красавцев, при первом появлении которых на сцене слабая половина зрительного зала замирала в восторге. Он был Люченцио в «Укрощении строптивой» Шекспира, поручиком Ржевским в «Давным-давно» А. Гладкова, Клайдом из «Закона Ликурга» — сценической версии романа Т. Драйзера «Американская трагедия», Фонтанаресом — героем бальзаковской «Мечты Кинолы», Кохтой — в «Стрекозе» М. Бараташвили, Ринальдо из героической итальянской комедии «Ринальдо идет в бой». Судьба Владимира Зельдина, быть может, одна из немногих состоявшихся актерских судеб. И все же, все же...

Почему-то вспоминается نابокковская фраза из «Дара»: «...чтобы описать такую жизнь, требуется обилие многоточий». Казалось бы, какое она имеет отношение к биографии этого одного из самых удачливых наших артистов. Но если все же попытаться выбрать знак, наиболее точно подходящий ко всему тому, что сделал Зельдин, то это будет не восклицание, а именно многоточие. Ибо столько несыгранного, недосказанного. Список ролей солиден, но та, заветная, кажется, еще впереди.

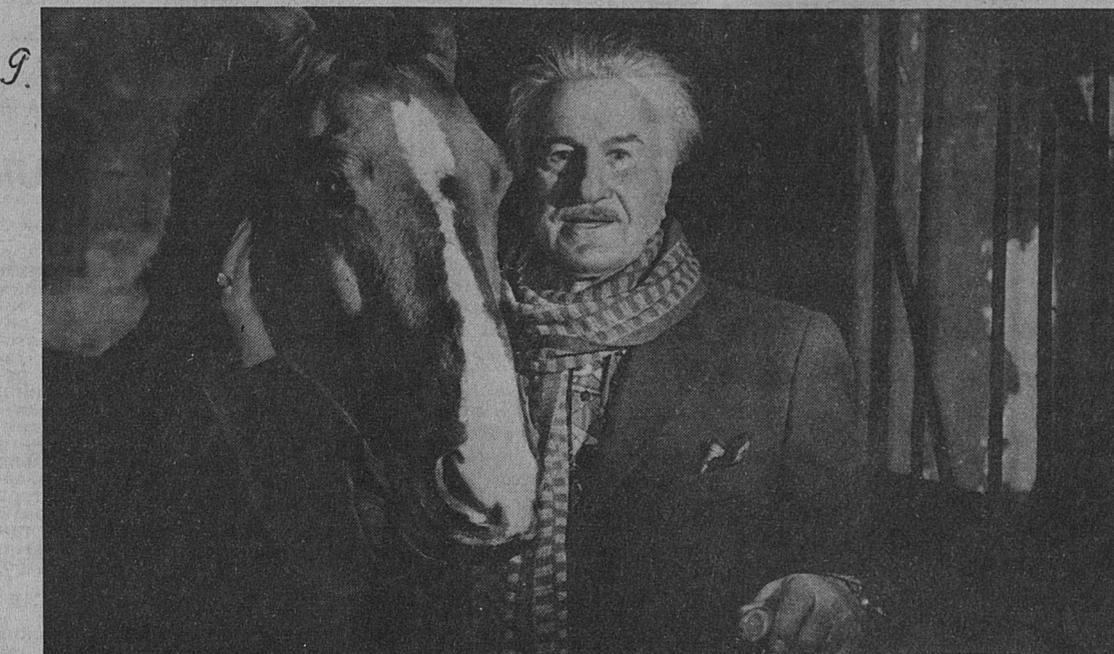
Сам же Зельдин главной ролью своей жизни считает Альдемаро. Быть может, по большому счету он прав. Дебют обернулся многолетним успехом, звездный час тянется до сих пор. Моему поколению досталась лишь легенда об «Учителе танцев» в том первом, необыкновенном составе: Альде-

маро — Зельдин, Белардо — Перцовский, Фелисианна — Добржанская...

Есть телевизионная версия спектакля, но, по свидетельству очевидцев, это лишь слабая копия некогда блестящего создания режиссера В. Канцеля, художника И. Федотова, композитора А. Крейна, балетмейстера В. Бурмейстера. О спек-

такле много писали, нет смысла повторяться. Сегодня же следует сказать о другом — частичку той, первой роли Зельдин вносит почти во все свои последующие образы. Отголоски пламенных речей Альдемаро и сегодня слышатся в монологах благородного синьора Фернандо Бальбоа из спектакля «Дерево умирает стоя» А. Касоны, то и дело прорываются в неотразимых словесных кульбитах «синьора из общества» Леонидо Папагатто. Со своим любимым героем Зельдин упорно не хочет расставаться — он играл его до пятидесяти трех лет, в шестьдесят «станцевал» полный спектакль, на семидесятилетнем юбилее снова преподал «урок танцев», ошеломив зал неподвластным времени поэтическим настроением.

Но, между тем, были роли, в которых перед нами предстал иной Зельдин. Более ранимый, что ли. Думая о переходе в иное качество, артист мечтал сыграть Сирано де Бержерака. Даже начинал репетировать, но не состоялось. Позже был в его биографии Гульемо Сперанца в не слишком громком, но очень сердечном спектакле Петра Фоменко «Экзамены никогда не кончаются» Э. Де Филиппо. Персонаж, сыгранный с пронзительно-щемящей тоской, лишенный налета победительности, столь отли-

ОБИЛИЕ МНОГОТОЧИЙ

чающего героев Зельдина. Не прибегая к характерному гриму, а пользуясь только неуловимыми движениями души, артист переходил от одного возраста Гульемо к другому.

Был также барон Мюнхгаузен из «Комической фантазии о жизни, любви и смерти» Г. Горина. Роль, в которой артист продемонстрировал мягкое чувство юмора, иронию, острый ум. Но при этом главной оставалась тема поиска гармонии и счастья.

Из всех киноролей Зельдина больше всего помнят, конечно, Мусаба — героя ленты И. Пырьева «Свинарка и пастух». Сегодня этот «лубок» вызывает у зрителей старшего поколения слезы умиления. Белозубый молодой горец надолго запомнился своим бешеным темпераментом и готовностью на невозможное ради любимой женщины.

А еще мне вспоминается маленькая, почти эпизодическая роль отца героя в фильме Родиона Нахапетова «С тобой и без тебя». Образ не совсем обычный для Зельдина — прежде всего потому, что средства выразительности были сведены до минимума, самое сокровенное доносилось до зрителя в паузах. Молчаливые крупные планы надолго врезались в память — во взгляде застыли тоска и безысходность.

Задолго до трагического финала, кажется, он все предвидел.

Такие вот зигзаги делает иногда актерская судьба. «Пришел, увидел, победил» — таким был девиз молодых героев Зельдина. Персонажи более зрелого возраста — чаще всего люди одинокие, для которых поиск внутренней гармонии стал почти перманентным состоянием, а надежда на обретение счастья равна нулю.

Вот и последний по времени герой Зельдина — лорд Генри Джеймс Честерфильд из «Загнанной лошади» Франсуазы Саган — вполне отдаст себе отчет в том, что жизнь прожита зря. Может, от этого последняя попытка что-либо изменить полна горечи и какой-то светлой печали.

Сегодня Владимиру Михайловичу Зельдину — восемьдесят! Несомненно, что он один из тех, кого можно назвать баловнем судьбы. С первой же крупной роли — успех, театр, которому верен вот уже пятьдесят лет. Зельдин принадлежит к той редкой когорте артистов, которым все время хочется говорить комплименты, но при этом надо знать, что они воспринимаются с изрядной долей юмора. Он — труженик, каких мало, при всей звездности природы ремесленник в самом высоком и лучшем смысле этого слова. Свой юбилей он встречает в работе, — только что выпустил в своем родном Театре Армии премьеру, готовится к новой роли — Князя К. в «Дядюшкином сне» Ф. М. Достоевского в «Содружестве актеров Таганки».

Но, может быть, найдется режиссер, который поставит «на Зельдина» «Перед заходом солнца» Г. Гауптмана? Маттиас Клаузен — его давняя мечта...

Майя ФОЛКИНШТЕЙН.